М.Г.Анохин,
доктор политических наук,
профессор;
В.П.Воротников,
кандидат политических наук

ТЕНЕВИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА КАК СИСТЕМНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Процессы теневизации отношений в политике, экономике, праве, всей государственной и общественной жизни зашли в России столь далеко, что угрожают существованию и развитию государства и общества. Теневизация стала системным явлением, выходящим далеко за рамки интересов отдельных лиц и групп.

В нашей стране основные характеристики теневых процессов уже относятся не только к сфере экономики, но и властных отношений. Исследователи характеризуют состояние российского общества в целом как «теневой образ жизни». Отсюда следует, что проблема теневизации, и ее преодоления есть, в первую очередь, проблема политическая. Это позволяет предположить, что в триаде «теневая экономика – теневая политика – теневое право» весьма значимым элементом является именно политика – как политика конкретных представителей власти, так и государственная в целом. Под этим углом зрения мы рассмотрим поставленную проблему.

«Теневая экономика». В самом определении «теневая» априори содержится негативная оценка. В некоторой степени это объясняет даваемые «теневой экономике» как явлению резко отрицательные характеристики, а также попытки увязать условия ее активизации и расцвета с определенным социально-экономическим режимом.

Так, либеральные экономисты и политологи весьма часто утверждают, что нынешний размах коррупции в России, как одной из форм «теневой экономики», теневых отношений, напрямую связан с наследием политэкономической системы социализма и тем, что к власти в демократической России пришли не демократы, а старая советская номенклатура, для которой, как и для всей системы, коррумпированность – одна из родовых примет[1]. Ученые левоцентристской ориентации и значительная часть независимых исследовате-

[1] С этих позиций коррупцию изучают, например, И.Клямкин и Л.Тимофеев. См.: Теневая Россия. М., 2000, и др.

лей видят основные причины роста коррупции в России в последние десять–пятнадцать лет во многом в характере политического режима, установившегося в России в 1991 г.

В западной науке (а в последние годы и в отечественной) значительный рост теневой составляющей, характерный для всей мировой экономики, все более пристально рассматривается как элемент, сопутствующий глобальным процессам либерализации и демократизации. При этом «теневая экономика» является лишь одной, но весьма важной частью «феномена ККК» – криминально-коррупционного комплекса и соответствующих ему отношений.

В мире с 90-х годов XX века о «разгуле преступности и коррупции» говорят обостренно и много. Последняя предстает как некая глобальная проблема, глобальная тенденция, глобальная озабоченность даже в таких странах, где она еще вчера не ощущалась (Германия, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Канада), и там, где она составляла привычную, вечную, неотъемлемую часть национального бытия и сознания, атрибут национальных отношений, традиции, культуры (Италия, Россия, Мексика, Турция, Япония). Коррупция, главным носителем которой по определению выступает госаппарат, чиновничество, смыкается с организованной преступностью и «политическим обществом» в некую, еще не до конца осознанную и определенную реальность[1].

Что касается «теневой экономики» как таковой, то сформировалось преобладающее мнение, что это сложное явление социальной действительности, имманентно присуще любой официальной экономической системе и отношениям, реализуемым в ней. Именно поэтому теневые интересы, «теневая экономика» и соответствующие отношения существуют в условиях и социалистической системы командно-административного типа, и в постсоциалистических странах с неразвитыми рыночными механизмами, и в странах с традиционно развитой демократией и рыночной структурой[2].

Процессы, происходящие в сфере «теневой экономики», весьма неоднозначны. Не случайно, характеризуя их, исследователи используют богатый спектр определений: «серая», «черная», «непрозрачная», «вторая», «латентная», «неправовая», «криптократическая», «криминальная», «коррупционная» и т. п. Это объясняется тем, что структура «теневой экономики» состоит из ряда элементов.

Существует несколько методик, их определяющих. Согласно одной из них, достаточно детальной и предложенной С.Головиным и А.Шохи-

---

[1] См.: Гражданское общество. Мировой опыт и проблемы России. М., 1998. С. 229–230.

[2] См., например: *Болва Н.В., Салий В.В.* Теневая экономика: содержание, функции, технология. Новосибирск, 1998. С. 6.

ным, основными структурными элементами «теневой экономики» являются: а) неформальная экономика – система экономических отношений, основанная на неформальном взаимодействии – экономических субъектов, личных отношений и непосредственных контактах и дополняющая или заменяющая официально установленный порядок организации и реализации экономических связей; б) «вторая экономика» – система экономических отношений, которые либо запрещены, либо не зарегистрированы в установленном порядке и поэтому тщательно скрываются от контроля; в) «черная» или «криминальная экономика» – система криминальных экономических отношений, встроенная в официальные и полностью скрываемая от всех форм контроля[1].

Следует, однако, отметить, что наши теоретические представления в этой области несколько упрощают действительность. В реальной жизни далеко не всегда можно отделить криминальную составляющую от иных компонентов.

Теневая политика и теневые отношения. Серьезным недостатком значительной части исследований теневых процессов следует признать то, что конкретные формы проявления «теневой экономики» многие ученые до сих пор склонны связывать в основном только с экономическим содержанием действующей (и предшествующей) социально-экономической системы. В гораздо меньшей степени рост «феномена ККК» рассматривается под углом текущей политики, теневой политики и теневых отношений в этой сфере.

Мотивированное, опирающееся на неопровержимые источники изучение феномена теневой политики возможно, на наш взгляд, только постфактум. Следует заметить, что феномен теневых отношений в сфере политики у нас изучен недостаточно, хотя, как и «теневая экономика», теневая политика присуща любой социально-экономической системе. Более того, теневая политика в целом – одна из форм обычного политического процесса, особенно когда речь идет о межгосударственных и межсоюзных отношениях.

В целом представляется возможным типологизировать теневую политику примерно по тем же основаниям, по каким структурируется «теневая экономика». Можно выделить ее «неформальную» составляющую, с одной стороны, и собственно противоправную – с другой. Правда, здесь структура значительно сложнее и трудна для анализа. Особенно сложны для анализа ситуации, в которых теневые политические и экономические действия и отношения сплетаются в единый

[1] См.: *Головин С.Д.* О классификации явлений теневой экономики // Вестн. МГУ. Сер. 6: Экономика. 1992. №1; *Болва Н.В., Салий В.В.* Теневая экономика: содержание, функции, технология. С. 38–39.

процесс, взаимодействуя и взаимообусловливая друг друга. Эти и подобные им вопросы начали привлекать все большее внимание отечественных исследователей. В последнее время достаточно обоснованно возрос интерес к изучению именно политических отношений, политической составляющей процесса криминализации государства и общества, включающего коррумпированность и противоправную экономическую деятельность. Появляются публикации, вводящие новые определения, такие как «политическая криминология», «политическая коррупция». Иными словами, происходит определенное смещение акцентов категорических классических утверждений, что экономические интересы и отношения всегда главенствуют над политическими и в значительной степени их формируют. Сегодня можно назвать ряд исследований, которые подводят нас к противоположному выводу. А именно: в некоторых случаях (конкретно – в случае с реформированием советской – российской экономики) громадный рост теневой (криминальной) составляющей является следствием соответствующих политических просчетов или, что вполне возможно, даже запланированных усилий в теневой сфере.

Если политические цели (построение рыночной экономики) открыто артикулировались, то используемые методы их реализации либо полностью скрывались от общества, либо умышленно искажались, потому что не были бы поддержаны обществом и зачастую имели откровенно противоправный характер.

Теневая составляющая государственной политики в переходный период довольно быстро стала доминирующей, чем, кстати, объясняется почти полное отсутствие какого бы то ни было влияния и контроля за деятельностью исполнительной и законодательной власти со стороны политических, общественных структур. Даже выборные процедуры не являются формой такого влияния: известно, что и сегодня результаты парламентских выборов играют весьма незначительную роль при формировании правительства и иных федеральных органов.

Существует точка зрения, согласно которой теневые отношения, теневизация общества в переходный период связаны прежде всего с процессами самоорганизации его в период кризиса государственной власти или ее ослабления. По мнению ряда исследователей, теневое сообщество развивается и образует некое квазигражданское общество, поскольку настоящее гражданское общество формируется в сопряжении с правовым государством[1].

[1] См.: *Воронов В.А.* Ценностный аспект теневой власти // Ценностные основания государственной власти и управления России на рубеже веков (Доклады и тезисы выступлений на научно-практической конференции. Апрель, 2000 г.). Ростов н/Д; Пятигорск, 2000. С. 73.

В ряде исследований (И.Клямкин, Л.Тимофеев) проводится мысль, что в сознании наиболее деятельной и целеустремленной части россиян формируются установки на своего рода квазигражданское общество, своеобразие которого заключается в том, что оно заменяет слабое государство, компенсирует его недееспособность.

Тогда, продолжая логику рассуждений этих авторов, выстраивая категориальный ряд, правомерно говорить не только о квазигражданском обществе, берущем на себя функции власти, но и о сопутствующем ему и его дополняющем теневом государстве, обслуживающем неструктурированные (или структурированные нелегально) общности людей в обмен на соответствующие с их стороны услуги – немедленные или отложенные[1].

Авторы, на наш взгляд, оценивают этот процесс избыточно позитивно, делая особый упор на то, что не все теневое обязательно негативно, тем более незаконно и преступно.

Последнее утверждение достаточно разумно. Но всегда следует иметь в виду, что все, находящееся вне правового поля, вне цивилизованных отношений – политических, экономических, правовых – имеет сильный криминогенный потенциал. Полагаем, что опасность криминализации теневого сектора тем выше, чем большее пространство занимает «тень». Если же она начинает доминировать над открытостью, гласностью, публичностью, над всем остальным спектром, который остается доступным разным видам контроля и проверки, любой факт дальнейшей теневизации невозможно и неправильно рассматривать как положительный или даже нейтральный.

Можно согласиться с рядом авторов, что «теневая экономика» подобного нашему характера и масштаба – системное паразитическое социальное явление мафиозного плана, ибо жизнеспособность, устойчивость и всестороннее развитие теневых процессов в решающей степени определялись их прочной, всесторонней, хорошо отлаженной, организованной и скоординированной на корыстной основе смычкой с представляющими страну политическими силами, а поэтому – с аппаратом органов власти и управления[2].

Теневое право и правовой нигилизм. Здесь мы приходим к необходимости охарактеризовать третью составляющую теневизации – отношения в рамках теневой юстиции, или, точнее, теневого права.

Это явление имеет два ярко весьма своеобразных выражения. Первое получило определение «жизнь по понятиям». Здесь офици-

---

[1] См.: *Клямкин И., Тимофеев Л.* Договор о теневом государстве // Московские новости. 2000. 11 июля.

[2] См.: *Демин В., Катышев М.* Проблемы теневой юстиции в России // Вестник аналитики. 2001. № 4. С. 139, 140.

альное право в силу своего объективного несовершенства или нежелания по каким-либо причинам им пользоваться подменяется неписаными правилами криминального сообщества. В таком сообществе существуют свои интересы, нормы и установления, обеспечивающие определенную упорядоченность отношений его членов, свои представления о справедливости, правах и обязанностях, иерархии и т. п. Это очень жесткие, жестокие правила, но это не так называемый «беспредел». К сожалению, и в этом специфика нашего общества: «понятия» сегодня приходят туда и закрепляются там, где официальные правовые отношения полностью дезорганизованы, где власть любого уровня и ее органы не выполняют своих прямых, первейших обязанностей по отношению к гражданам.

Оргпреступные группировки, особенно связанные с большим бизнесом, не раз уже доказывали, что они в состоянии навести порядок там, где государство не может (не хочет? не умеет?) этого сделать. Мы, однако, не вправе оценивать подобные процессы как становление институтов гражданского (или даже квазигражданского) общества, рассматривать их в рамках демократического развития.

Второе направление утверждения теневого права – стремление к его официальной легитимизации, усиливавшееся вместе с ростом масштабов теневых составляющих экономики и политики, их взаимозависимости, возможностей и ресурсов. Если говорить о сфере законодательства, то здесь усилия теневиков были направлены не столько на обеспечение собственной легитимности, сколько на противодействие принятию законов, препятствующих криминальной и криминогенной теневизации. Успешными были лоббистские усилия в органах исполнительной власти. Ряд указов и правительственных постановлений откровенно способствовали выведению из сферы юридической ответственности лиц и структур, активно участвующих в приватизации, финансовых махинациях и выводе капиталов за рубеж. Реализуя интересы теневых акторов политического процесса, были разработаны сложные многоходовые схемы, опирающиеся на предоставляемые льготы и преференции. Этого, однако, оказалось недостаточно, когда в жесткой конкуренции столкнулись интересы финансовых магнатов, каждый из которых имел своих влиятельных агентов во властных сферах всех уровней. Система подкупа оказалась недостаточно совершенной. Нужно было юридически закрепить свое благосостояние и надежно защитить капитал от тех, кто посягнет на него или хотя бы попытается раскрыть теневые стороны его происхождения. Требовались основательная юридическая опора, соответствующие кадры, надежные и верные правовые рычаги и механизмы.

Однако в федеральных структурах представительной, законодательной власти ставленники и идеологи теневиков всегда оставались в меньшинстве. Следует подчеркнуть, что при высоком уровне лоббизма в депутатской среде, который многим известен (но который почти невозможно доказать документально), все же никакое давление, исходящее от теневого бизнеса, широкая практика подкупа и другие приемы не привели к появлению законов, правовых норм и правил, легализующих криминальную теневую практику.

Таким образом, в государстве отсутствовало официальное право, легализующее теневую деятельность, но в то же время она, включая криминальную, на практике не только не преследовалась, но и косвенно поощрялась. В государстве существовало законодательство (ниши в законодательстве), следование которому вполне обеспечивало соблюдение основных прав и обязанностей граждан, но в то же время законы все более явно уступали «понятиям». Попытки правоохранительных органов требовать соблюдения действовавших законов и карать за их нарушение все чаще заканчивались «зачистками» органов, приходом туда новых людей, «разбирающихся в ситуации», и беспримерной коррумпированностью именно тех сфер, которые призваны обеспечивать в стране правопорядок. Так возникла теневая юстиция, наличие которой на официальном уровне было признано только в постельцинский период. Президент В.Путин в Послании Федеральному Собранию за 2001 г. особо подчеркнул ее опасность: «Мы практически стоим у опасного рубежа, когда судья или иной правоприменитель может по своему собственному усмотрению выбирать норму, которая кажется ему наиболее приемлемой.

Как результат – наряду с «теневой экономикой» у нас уже формируется и своего рода «теневая юстиция». И как показывает практика – граждане, потерявшие надежду добиться справедливости в суде, ищут другие, далеко не правовые «ходы» и «выходы». И подчас убеждаются, что незаконным путем имеют шанс добиться по сути часто справедливого решения»[1].

Как известно, право есть нормативное выражение исторически сложившегося порядка общественных отношений между свободными и равными субъектами, отклонение от которого может быть устранено мерами государственного принуждения[2].

---

[1] Не будет ни революций, ни контрреволюций: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская газета. 2001. 4 апр.

[2] См.: *Потякин А.* Правовой нигилизм как вариант современного российского правосознания // Общество и политика. Современные исследования, поиск концепций. СПб., 2000. С. 351.

Принудительно сложившийся в современной России новый порядок общественных отношений, при этом не между равными и свободными субъектами, а между субъектами, умышленно поставленными в неравное положение (напомним меткое выражение одного из журналистов в адрес олигархов: «Их назначили быть богатыми»), создал трудноразрешимую коллизию. Этот порядок претендует на то, чтобы быть освященным официальным, государственным правом. Вся политическая борьба последних пятнадцати лет по сути сводится к борьбе за и против «огосударствления» подобного права. Рядовые обыватели, естественно, против, поскольку единственным следствием стратегической смены собственников для массы людей стала нищета. Но и коррумпированные, криминализированные властные структуры после всех публичных разоблачений не могли провозгласить: все, что сделано, сделано по закону и в интересах общества.

Проблема правового нигилизма как вариант современного российского правосознания – одна из актуальнейших. Весьма часто утверждается[1], что в качестве основы этого явления выступают недостаточная правовая подготовка и даже невежество управленческого аппарата и народа, слабая информированность о законах, порой умышленное, а чаще неосознанное интуитивное желание проигнорировать, обойти и даже нарушить законодательные акты при условии, что санкция мала, а выгода при этом существенна. Ученые отмечают, особенно в последнее время, массовость таких явлений.

Все больше исследователей главную причину расцвета правового нигилизма наших дней усматривают прежде всего в целенаправленной, деструктивной деятельности влиятельной части политического и финансового истеблишмента, крупного чиновничества и обслуживающих их структур, поддерживаемой усилиями значительной части СМИ, службами «паблик рилейшнз» тех или иных заинтересованных структур и видными представителями радикал-интеллигентской среды.

Безусловно, правовой нигилизм есть объективное следствие революционной ломки прежних общественно-экономических отношений, проблем социализации в новых условиях. Но нельзя не видеть (в особенностях его распространения и «внедрения») влияния на власть криминальных интересов, «криминальной идеологии».

Лидеры и авторитеты организованной преступности, утверждают авторы коллективной монографии «Политический режим и преступность», стремятся насаждать идеологию преступного мира, свою систему ценностей, свой стиль и дух отношений. Механизм экспансии преступной субкультуры и воровской идеологии строится не

[1] См.: *Потякин А.* Правовой нигилизм как вариант современного российского правосознания. С. 351, 350.

только на основе проникновения в государственный аппарат, но и с помощью средств массовой информации, «заражая» общество преступными обычаями и традициями[1].

Характеризуя правую практику, а частично и обслуживающую ее теорию, характерную для России последних десяти–пятнадцати лет, нельзя не обратиться к такой категории, как «неправо (негативное право»), введенной еще Гегелем[2]. В.Бачинин, анализировавший эту категорию, делает вывод, что главным теоретическим инструментом утверждения негативного права является принцип тотального отрицания. «Воцаряясь …он берет на себя заботу об осуществлении смены мировоззренческих и морально-юридических доминант в общественном сознании. В результате появляется все больше людей, которые готовы видеть в разрушении увертюру к… созиданию, в войне – прелюдию к всеобщему миру, в насилии – путь к справедливости, в социальной ненависти – средство достижения общего блага»[3].

Как же реализуется сегодня теневое право через современную российскую теневую юстицию?

Теневики создали сеть собственных структур с административными и даже чисто юридическими функциями. Всеобъемлюще и эффективно у них поставлено дело выявления доходов. Мелкий и средний бизнес повсеместно обложен регулярными поборами. Уклонение от их выплат оперативно и неминуемо влечет жестокую ответственность. Масса фирм и «охранных структур» не заняты ничем, кроме насильственного выбивания реальных или мнимых долгов, полностью игнорируя установленный в государстве порядок их взыскания. Угрозы, насилие и даже заказные убийства стали повседневной реальностью.

Другая составляющая теневой юстиции – использование механизмов официальной юстиции. Сегодня весь набор правовых средств официальной юстиции в полной мере присущ теневому укладу. Есть реальная теневая власть и ее правовые механизмы, есть теневое право, его нормы и обычаи, их принудительная сила, есть аппарат исполнения теневых законов. Есть квалифицированные кадры с опытом работы и связями в правоохранительных органах и других структурах власти. Совокупность этих и многих других существенных и взаимосвязанных теневых юридических элементов, их единая направленность на обеспечение и защиту теневых интере-

---

[1] См.: Политический режим и преступность / Под ред. В.Н.Бурлакова, Ю.Н.Волкова, В.П.Сальникова. СПб., 2001. С. 77.

[2] См.: *Бачинин В.А.* Неправо (негативное право) как категория и социальная реалия // Государство и право, 2001. № 5. С. 14–20.

[3] Там же. С. 18.

сов позволяет говорить о теневой юстиции как о сформировавшейся целостной системе, которая органически переплетается с системами теневой экономики и теневого властвования[1].

Теневизация предстает и как отсутствие необходимой политики. В современной России исторически весьма быстро теневые процессы захватывали все новые и новые сферы жизни страны, в результате чего открытая, «световая» часть жизни все более сокращалась. Р.Рывкина весьма точно назвала это теневизацией общества. Правда, она традиционно усматривает в ней «расширение масштабов теневых процессов за рамки экономики»[2]. Мы же полагаем, как сказано выше, что в мире все взаимосвязано, и определяющей было отсутствие цивилизованной политики по отношению ко всему негативу, а можно сказать, что это была нужная определенным политическим силам, представителям истеблишмента реальная политика, что во многом вело к теневизации всех сфер, включая экономическую и правовую.

Доказательств тому существует немало, но мы приведем лишь одно – косвенное. Та же Р.Рывкина обращает внимание на то, что, если экономический криминал, коррупция хотя бы обозначены как уголовно наказуемые преступления, то теневая политическая деятельность, даже криминального характера, даже доказанная, в принципе практически у нас в России ненаказуема[3]. Может быть, это обычный «недосмотр». В.Лунеев в этом отношении жестко категоричен: «Многие формы реальной изощренной коррупции не криминализированы, и при всей их огромной общественной опасности не наблюдается каких-либо стремлений властей наложить на них уголовно-правовой запрет. И это не случайные пробелы в законодательстве, – жестко оценивает он. – Они профессионально продуманы и просчитаны»[4].

Чтобы понять и оценить весь спектр причин, которые привели к катастрофическому уровню теневизации и криминализации политико-экономических и социальных отношений в современной России, было бы полезно проследить, как складывается соотношение публичных и теневых процессов в развитых демократических госу-

---

[1] См.: *Демин В., Катышев М.* Проблемы теневой юстиции в России // Вестник аналитики. 2001. №4. С. 143.

[2] *Рывкина Р.В.* Теневизация российского общества: причины и последствия // Социологические исследования. 2000. №12. С. 3.

[3] Там же. С. 5; Политический режим и преступность / Под ред. В.Н.Бурлакова, Ю.Н.Волкова, В.П.Сальникова. С. 12.

[4] См.: *Лунеев В.В.* Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы (Тезисы доклада) // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы: Сб. материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 9–10 сентября 1999 г.) / Под ред. В.В.Лунеева., М., 2001. С. 25.

дарствах, как оно складывалось в Советском Союзе и постсоветской России. К сожалению, таких значимых исследований обнаружить не удалось, хотя проблематика присутствует в отдельных научных статьях и публицистике.

Когда заходит речь о теневизации, рассматриваются исключительно экономические интересы, экономическая сфера. Так, есть данные международных организаций о том, какой процент участия в создании ВВП имеет теневая экономика в развитых странах Европы и США, в целом в мире. Проведены исследования, определившие так называемый общепризнанный мировой стандарт, т. е. параметры «теневой экономики», не превышающие экономически безопасные пределы (5–10% ВВП). Что касается бывшего СССР, то сегодня известна статистика, демонстрирующая объемы и характер теневой экономики (кстати, значительно меньшие на тот период, чем, скажем, в Италии, Испании, Бельгии, Швеции).

Однако изучение проблем теневизации в СССР и постсоветской России затрудняется устойчивыми идеологическими стереотипами ряда авторов, которые сказываются на их научной объективности. Утверждения типа: «Советский черный рынок являлся несущей частью социализма», судя по массиву публикаций, поддерживаются абсолютным меньшинством исследователей. Не находит значительной поддержки и позиция некоторых авторов, считающих, что «в тоталитарных государствах, к которым весьма часто относят бывшие социалистические страны, трудно провести границу между коррупцией и властью: поскольку коррупция разрастается тем больше, чем более абсолютна власть, то она в конце концов сливается с властью или становится ею»[1].

Объяснение беспрецедентно высокого уровня политического и экономического криминалитета только советским наследием, на наш взгляд, достаточно дискуссионно и однобоко. Иная точка зрения состоит в том, что коррупция стала главным элементом процесса приватизации. Получается, что само государство было главным строителем коррупции, расширяя ее по всем направлениям и охватывая все слои общества. Ряд авторов, в том числе и В.Н.Бровкин, жестко акцентируют позицию: «Коррупция выступает как рычаг государственной осознанной политики, где развращение и коррумпирование общества есть часть политики, проводимой властью»[2].

---

[1] *Левин М.И., Цирик М.Л.* Коррупция как объект математического моделирования // Экономика и математические методы. 1998. Т. 34. Вып. 3. С. 44; Политический режим и преступность / Под ред. В.Н.Бурлакова, Ю.Н.Волкова, В.П.Сальникова. С. 300.

[2] *Бровкин В.Н.* Коррупция в России // Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. С. 135, 136–137.

По мнению ряда исследователей, более чем десятилетний период осуществления реформ в России, вместе с уходящим в бесконечность рядом отрицательных последствий, демонстрирует, по крайней мере, одно бесспорное приобретение: опыт реального криминологического моделирования. Есть достаточно оснований полагать, что коррупционная стихия отвечала и отвечает интересам определенной части правящей, политической и экономической элиты. Неспособность законодательных, исполнительных и судебных властей учредить и поддерживать правовой порядок способствовали образованию беспрецедентной «управленческо-предпринимательской» ниши, где интенсивно формируется новая властная элита, для которой, наряду с государственной службой, руководство и управление преступной средой стали высокоприбыльной и абсолютно безопасной сферой приложения своих интеллектуальных и профессиональных способностей. Причем отмечается такая закономерность: чем выше пост коррупционера, тем глубже он запустил руку в государственный карман, тем надежнее он защищен от наказания[1].

Характеристики теневой политико-экономической системы. Подчеркнем еще раз: сочетание формальных и неформальных, публичных и теневых, легитимных и коридорных институтов, форм и отношений, методов и механизмов принятия решений – естественная практика любого режима. Но, как справедливо отмечено, специфика российской политической среды заключается в том, что неформальное поле значительно сильнее формальных отношений[2].

Для нее характерно «как бы перевернутое соотношение формального и неформального (легитимного и теневого) уровней политической системы, в результате которого неформальный уровень оказывается основным, решающим. В «политическом Зазеркалье» происходит фактическое согласование существующих интересов основных субъектов политики, более того, именно здесь осуществляется как подготовка, так и принятие основных общественно значимых решений»[3].

---

[1] См.: *Клейменов М.П., Клейменов И.М.* Механизм криминализации власти // Власть: криминологические и правовые проблемы. М., 2000. С. 34.

[2] См.: *Пляйс Я.А.* Политическая власть в России в поисках новой идентичности (аналитический обзор диссертац. исследований российских политологов) // Власть. 2001. №10. С. 29.

[3] См.: *Клинский О.В. Шарафутдинов Э.Ш.* Реализация политических интересов и неформальные отношения в политической системе современного российского общества // Государство. Политика. Право. Межвузовский сборник научных трудов. Уфа, 2000. С. 30.

Политико-экономическую систему такой высокой степени теневизации характеризуют определенные признаки[1]:

1. Огромный вес «теневого» (то есть никак в правом смысле не регулируемого) сектора, возросшая роль неформальных и внеправовых отношений, существенная коррумпированность государственного аппарата, низкая роль права и судебной системы, ее подчиненность административному аппарату и теневым интересам, «теневому» капиталу.

2. Образование в экономической сфере клановоустойчивых, властно-хозяйственных структур, имеющих «крышу» в виде того или иного органа государственной власти, распоряжающихся крупными суммами капитала и ведущих широкомасштабную коммерческую деятельность. Одно из последствий возникновения подобных кланов – блокирование конкуренции на финансовых рынках основных товарных групп и даже во внешней торговле.

3. Формирование соответствующей олигархии – узкой прослойки людей, присваивающих связанные с клановым монополизмом колоссальные доходы; обнищание огромной части населения.

4. Деградация бюджетной системы (на которой эти клановые системы паразитируют, используя бюджетные ресурсы и государственную собственность) и рост государственного долга как вынужденное средство решения финансовых проблем в обществе, что сопряжено с сужением реального сектора экономики, разорением значительной части предприятий.

5. Перераспределение национального дохода в пользу паразитического потребления. Мы видим, как оно растет у элитной группы и связанных с ней охранных и других структур, тогда как народнохозяйственные сферы, обеспечивающие благосостояние большей части населения (индустрия народного потребления, здравоохранение, образование и т. п.), приходят в упадок.

6. Фактически ликвидирован механизм контроля власти со стороны общества. Вся эта система устойчиво воспроизводится.

Пути и проблемы преодоления теневизации в современной России. Наследство, переданное первым Президентом России своему преемнику, тяжелое. Необходимы пути, механизмы, технологии выхода из кризиса, нужны кадры, желающие и умеющие работать в современных условиях.

Президент В.Путин взялся за «большую реформу», существенно усилил в своей политике тему государственности, резко повысил роль государства в принятии экономических решений, укрепил

[1] См.: *Болва Н.В., Салий В.В.* Теневая экономика: содержание, функции, технология. Новосибирск, 1998. С. 49–50.

властную вертикаль, несколько ограничил произвол крупнейших монополий и «равноудалил» олигархов.

Утверждать что-то более категорично мешает все та же теневизация. Во-первых, мы мало знаем о сути кулуарных договоренностей, достигаемых между верховной властью государства и представителями крупного бизнеса. Многие аналитики утверждают, что позитивные перемены (больший учет государственных и общественных интересов со стороны олигархов, усиление социальной составляющей предпринимательства) вызваны не столько осознанием бизнесом своей ответственности, сколько жесткими условиями его функционирования, продиктованными современными властными структурами.

Говорить о сокращении масштабов теневой политики, которое привело бы к сокращению масштабов «теневой экономики», преждевременно еще и потому, что, согласно расхожему и справедливому утверждению, абсолютно честный человек просто не смог бы выжить в условиях, в которые его поставил режим.

Судя по данным ряда социологических исследований, проведенных разными службами, оценивая уровень криминализации власти, ее коррумпированности, россияне пока не видят перемен к лучшему. Показательно, что к числу наиболее коррумпированных они, как правило, относят, прежде всего структуры, на которые возложены правоохранительные и правоприменительные задачи – милицию, таможню, ГИБДД, суд, прокуратуру[1]. Социологи фиксируют высокую толерантность общества к теневым проявлениям, включая криминальные. В то же время отмечаются социально-психологические предпосылки восстановления нравственных ограничителей и правовых табу, нарастание недовольства процессами морального упадка и демонстративной вседозволенности. В обществе крепнет намерение поддержать инициативы власти, россияне ждут их и рассчитывают на проявление политической воли российского руководства.

В возможностях решения проблемы имеются большие сложности. Криминализация, теневизация России присутствуют в верхних эшелонах власти, далеко не способствующих созданию институтов гражданского общества, которые могут противостоять этим процессам. Процессы декриминализации и детеневизации неизбежно должны начаться там же. Продолжающееся доминирование теневой составляющей в современной политике не позволяет достоверно определить возможности преодоления препятствий, возведенных на этом пути за последнее десятилетие.

---

[1] См.: Большинство россиян считают родину коррумпированной // Новые известия. 2002. 2 февр., и др.

Известно, что никакая структура не может и не будет себя реформировать, если это противоречит ее интересам. Поэтому государственный реформатор всегда выступает в роли определенной оппозиции к власти, к режиму. Для его успеха необходимо несколько факторов: личный авторитет, наличие квалифицированной, единой команды и т. д., но прежде всего – его собственная решимость к действию. Видимо, именно ее подразумевают политики и политологи, все активнее заявляя о необходимости проявить политическую волю в дальнейшем развитии «большой реформы». Причем важно, чтобы политическая воля лидера не входила в противоречие с преобладающими общественными настроениями.

Там не менее, формулируя задачи и условия вывода России из «тени», в качестве первого и непременного условия различные исследователи выдвигают наличие единой политической воли лидера и всей его команды. Сколь бы ни было готово общество содействовать и поддерживать верховную власть, решающее слово за руководством страны. Демократические институты России пока не способны самостоятельно решить эту проблему.

В целом перспективы вывода страны из теневой сферы связаны, на наш взгляд, с широко трактуемой идеей политической модернизации. Потребность и неизбежность ее определяются тем, что Россия не может оставаться вне общемировых тенденций, независимо от собственных их оценок, в частности, от отношения к доктринам информатизации, глобализации современного общества.

Необходимость вытекает из нынешнего состояния страны, в том числе ее политической системы, системы власти, системы социально-экономических отношений, до сих пор во многом ориентированных на поддержание и воспроизведение теневого образа жизни, на девиантность поведения ее населения, его правовой нигилизм, исключающий возможности продуктивного сотрудничества общества и государства. Без политической модернизации возможности построения гражданского общества представляются иллюзорными, а без наличия такого общества любая власть остается «вещью в себе», недоступной для внешнего контроля и влияния.

Политическая модернизация, на наш взгляд, не должна представлять собой копирование западных образцов, но взять лучшее из мировой практики целесообразно. В то же время необходимо наиболее полно учитывать характер и особенности российского бытия, институционализацию новых структур и новых «правил игры», соответствующих нормам и принципам развития цивилизованного общества, что позволит не только совершенствовать государственное и общественное устройство, но может послужить определяющим фактором консолидации общества.

Справедливо утверждается, что без идеи, которая объединит наше общество, такая консолидация невозможна. Но в качестве такой идеи не способны выступать ни национальная (общенациональная, интернациональная), ни идея канонического общественно-политического устройства (социалистическая, коммунистическая, либеральная, монархическая и т. п.), ни тем более идея «жесткой руки». Столь же бесперспективна идея «великодержавия» в рамках демократии. По-своему ущербны и разного рода идеи «возрождения». Возрождать нечто бывшее при стремительном развитии современной цивилизации вряд ли целесообразно и эффективно.

Все предлагаемые объединительные идеи ориентированы на существующие либо существовавшие образцы. Однако человечество движется вперед, и когда нам предлагают сделать жизнь такой, как, например, в США (они шли своим путем), – это лозунг внешне привлекательный, но ложный. Он подразумевает вечную обреченность России на роль догоняющего, роль сателлита, не способного к самостоятельному, опережающему развитию.

Политическая модернизация сама может выступить в роли своеобразной интегрирующей идеи, определяя направление и развитие всех сфер жизнедеятельности – экономической, социальной, государственного и военного строительства, образования, культуры. Количественное накопление положительных результатов политической модернизации неизбежно отразится на изменении качества жизни. Одним из следствий этого процесса с неизбежностью должна стать детеневизация. Существует и обратная зависимость: детеневизация политики неизбежно даст положительные результаты политической модернизации в целом, что, в свою очередь, отразится на качестве жизни.

Если говорить о собственно политической модернизации, то, на наш взгляд, в современных условиях необходима модернизация существующих институтов и структур. Сегодня аппарат, бюрократия, новая номенклатура – едва ли не самые главные препятствия на пути формирования тех экономических и общественных отношений, при которых права личности не ущемляют прав общества, рыночная экономика имеет сильную социальную составляющую, а свобода гражданина ограничивается только рамками законов.

По мнению многих исследователей, эта модернизация («большая реформа») должна продолжить проведение, кроме административной, также судебной, правовой, военной, аграрной реформ, изменения в сфере образования, здравоохранения и др., что предусматривает как серьезные изменения функций существующих структур, так и, возможно, создание новых, на тех направлениях, которые в результате обвального разгосударствления остались бесхозными или могут быть востребованы вызовами времени и развитием цивилизации.

Сюда же мы относим совместную деятельность государства и представителей власти по становлению институтов гражданского общества. При этом роль общественности должна быть ведущей, а государство обязано выполнять его заказ, если он обоснован и получил массовую поддержку.

Необходима модернизация законодательной базы. Она должна быть ориентирована на прямое действие законов, что исключает создание массы подзаконных нормативных ведомственных документов, часто выхолащивающих суть самого закона. Цель совершенствования законодательства – правовая защита гражданина от чиновничьего произвола и многих видов негативной правоприменительной практики.

Политическая модернизация в своей совокупности должна ускорить процесс развития российской демократии, которую значительная часть общества оценивает негативно. Пока рядовой обыватель называет нашу демократию «демокрадией», институционализация ее структур и норм весьма затруднены.

Последовательные, позитивные процессы политической модернизации могут поставить задачу модернизации Основного Закона страны. Однако следует учитывать то, что положения нынешней Конституции, особенно в части прав и свобод граждан, далеко не исчерпаны; они прописаны, но во многом декларативны. Надо научиться выполнять действующую Конституцию, иначе ее судьба постигнет и все иные, «более проработанные», «более совершенные» варианты Основного Закона.

Важнейшим условием политической модернизации, если мы рассматриваем ее как определенную «интегрирующую идею», способствующую консолидации общества, должна быть ее направленность на новое прочтение социализации. Ясно, что этот процесс ущемит некоторые интересы, ясно также, что это – интересы наиболее активной, влиятельной, материально обеспеченной части общества («среднего класса»), той самой, на которую делается ставка в долгосрочных политических и экономических прогнозах. По всей видимости, чтобы выйти из этой коллизии, стране нужна принципиально иная идеология реформации, не противоречащая демократическим представлениям, не политическая, не партийная, не «анти», но обязательно включающая в себя понятие справедливости – ментальное для российского человека. В ином случае проблемы детеневизации российского общества останутся неразрешенными на весьма длительную перспективу.

Процесс институционализации демократии по существу должен представлять собой процесс восстановления, вернее, установления доверия к ней. Когда – и если – это доверие возникнет, можно будет говорить о формировании и укреплении институтов гражданского общества. Принципиальные споры о том, должны они создаваться

без вмешательства государства или при его активном участии, разрешит практика. При всех издержках и недостатках необходимо исходить из концепции сотрудничества, а не противостояния.

Процессы теневизации страны значительным образом связаны с полной неподотчетностью власти (прежде всего исполнительной) российскому электорату. Отчитываться перед обществом и нести ответственность за свои действия может только правительство, сформированное по результатам общероссийских выборов, сформированное на партийной основе – в соответствии с партийными программными установками. Только такое правительство всегда будет иметь в виду, что каждый его неуспех, каждый просчет – это потеря сотен тысяч, миллионов потенциальных голосов избирателей, это неминуемая и далеко не всегда почетная отставка. Подобные идеи обсуждаются в обществе. Они прозвучали в Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации в мае 2003 г.

Не противостояние, а партнерство государства и общества – элемент, совершенно необходимый, если мы ставим себе целью преодоление и минимизацию теневых процессов. Повышение эффективности общественных институтов (гражданское общество) в наших условиях невозможно без одновременного укрепления государства. Хотя бы потому, что государство всегда и везде имеет перед обществом определенные обязательства.

Важнейшим требованием в процессах детеневизации является формирование цивилизованных отношений власти и бизнеса. В последнее время в ряде публикаций наблюдается тенденция возложения всей полноты ответственности за размах коррупции на систему власти. Бизнес же представляется как сторона, заинтересованная исключительно в честных правилах, что в российских условиях весьма проблематично. К примеру, на Западе создание условий для нормального функционирования понуждает бизнес-структуры принимать на себя ряд социальных обязательств, сообразовывать свои интересы с общественными, а также выполнять ряд других функций, которые заложены в так называемой концепции социальной ответственности бизнеса. Отечественным бизнес-структурам эта работа еще предстоит.

Названные нами необходимые изменения и идеи сформулированы на основе предложений и рекомендаций, в полной либо краткой форме содержащихся в десятках научных публикаций последних лет. Их реализация в своей совокупности, поставленная на прочную правовую основу, – наилучший вариант. Однако создание такой основы – процесс длительный и кропотливый.